

ОПРОМЕТЧИВОСТЬ Иностранные марки на рынке пропаганды...

Опрометчивый — по Ожегову — «слишком поспешный, неосторожный, необдуманный». Мы многое делаем опрометью, с тяжёлыми похмельными последствиями. Это сказывается и в активном заимствовании иноземных правил. И не в петровское время, когда в России не было светской культуры, когда был необходим рывок к имперскому сознанию, а сегодня, после мощной индустриализации и пропагандистских сражений XX века, в которых наша страна была не статистом, а игроком первого ряда!.. Мы пассивно отвечаем на попытки иностранных режиссёров «ставить» нашу интеллектуальную жизнь...

Арсений
Замостьянов

Опрометчивость — вот опаснейшее искушение народной жизни в годы перемен. В последние годы один из тезисов Петра Великого — титана русских реформаторов — стал особенно популярен среди современных служащих: «Подчинённый перед лицом начальствующим должен иметь вид лихой и придурковатый, дабы разумением своим не смущать начальство...» Очень актуальный совет: в нынешней России совмещение лихости с придурковатостью стало стилем жизни. Это касается и политической жизни (вспомним балаганный популизм предвыборных шоу), и массовой культуры, и, разумеется, прессы.

Нынче в России избыток амбициозных макропроектов, броских сценариев спасения Отечества, магов и чародеев, которые обещают без всякого напряжения для клиента «приворожить» удачу. Лёгкие рецепты, простые объяснения исторических трагедий фальшивками вроде «вселенских заговоров» и загадочных тёмных сил, которые-де куражатся над Россией и которые легко уничтожить посредством очередной панацеи. Смотрит народ на очередного кандидата в мессии — и недоумевает. А кто он по профессии — этот мудрейший из мудрых? Какому делу служит? Как правило, горлопаны оказываются людьми без профессии, уважаемые и ловкие маргиналы с организаторской жилкой, но без призвания. Короли саморекламы и однодневных проектов, они неспособны к созданию конкурентоспособного товара, но умеют с задором правофлангового громко заявлять об очередной кампании, шарахаясь от гуманитарных занятий к техническим, от политики — к спорту, от науки — к торговле. Хочется верить, что времена таких кочевников широкого профиля прошли. И с каждым годом им всё труднее будет впаривать нам свой идеологический гербалайф. Споры нет, общество нужда-

АРМАГЕДДОН ПОПС

Сможем ли мы остановить запущенный механизм уничтожения культуры?

Мне бы не хотелось называть имена: они и так упоминаются чаще остальных, словно не осталось в стране ни удивительных учёных, ни композиторов-классиков, ни мудрых писателей. Может, и была отечественная интеллигенция фантомом, а теперешнее ничтожество наше только выявило всеобщую нищету духа?

Слабеющая идеология нуждается в буферных прокладках. Провалы внешней и внутренней политики, экономические неудачи, отступление по всем направлениям госстроительства не позволяют честно объявить народу о будущих тяготах. Общественное сознание стихийно и направленно заволакивается суррогатом «золотого сна» вроде латиноамериканских денежно-вещевых лотерей.

Задумана ли была отечественная попса как инструмент отвлечения от угнетающей повседневности, но факт налицо: в обществе появилась могущественная прослойка, превыше интеллигентских ценностей ставящая коммерческую эксплуатацию пещерных инстинктов. Пласт слежавшейся за десятилетия пошлости всколыхнулся: и постсоветское пространство охотно откликнулось на зов примитива. Вероисповедание «обращённых в попсу» скорее нулевое, но деградация способна сделать его и величиной отрицательной. При открыто беззаботном, наплевательском отношении к Любви, Веры, Отечеству, которое формирует поверхностный жанр в музыке, литературе, графике, ничто не выглядит больше недопустимым.

Околомузыкальные деятели перестроенного СССР, чаще всего отождествляемые с жуликоватыми распределителями театральной «брони» и неумными в аферах организаторами «левых» концертов, рано поняли, что настал очередной период заимствования. «Упакованные», зачаток не подверженного партчисткам советского среднего класса, обычно «на колёсах», знакомые не только с Сочи, но и с примитивным раем соцстран, наскоро изучив несложные приёмы западной лёгкой музыки, блестяще адаптировали её к отечественным условиям. Вложились.

На раннем этапе захвата популярной сцены попса имитировала. При подавляющем влиянии

ется не только в специалистах, но и в организаторах, в коммуникабельных менеджерах с развитым нюхом на конъюнктуру. Но мы должны помнить, что главное слово всегда за специалистами, за профессионалами высокого класса, за мастерами. Не было и не будет в нашей стране более уважаемых людей, чем специалисты, достигшие мирового уровня в своих областях. «Только труженикам — слава, только им — венок в веках!»

Спекулянт никогда не сможет прожить без труженика, без его продукции. Деньги кружат голову — и вот уже удачливый посредник опрометчиво задирает нос перед серым работягой... Но приходит время — и посредника рисует судебный художник, а судья оглашает приговор. И это справедливо, что трудящийся не проявляет сочувствия к зарвавшемуся дельцу. Sic tranzit... Столь же закономерно и падение престижа профессии журналиста, которую всё чаще и справедливее сравнивают с первой древнейшей. Доверие русского человека к печатному слову общеизвестно. Но, однажды разуверившись, народ не знает снисхождения. И хотя мы снова и снова «обманываться рады», уважения к печатному (а также радиному и телевизионному) слову значительно поубавилось. И многие из нас солидарны с героями тургеневского стихотворения в прозе: «Кого-то бьют, — заметил один из друзей, выглянув из окна.

— Преступника? Убийцу? — спросил другой. — Слушай, кто бы он ни был, нельзя допустить бессудную расправу. Пойдём заступимся за него.

— Да это бьют не убийцу.

— Не убийцу? Так вора? Всё равно, пойдём отнимем его у толпы.

— И не вора.

— Не вора? Так кассира, железнодорожника, военного поставщика, российского мецената, адвоката, благонамеренного редактора, общественного жертвователя?.. Всё-таки пойдём поможем ему!

— Нет... это бьют корреспондента.

— Корреспондента? Ну, знаешь что: допьём сперва стакан чаю».

Это написано в 1878 году, написано человеком, прекрасно знавшим журнально-газетную кухню Европы и России, республик, королевств и империй. И Тургенев включил зарисовку про избивание корреспондента в свой итоговый, сокровенный, прощальный цикл... Включил после строгого отбора, отсекая всё лишнее. Во все времена можно было предъявить журналистам длинный и справедливый счёт. Но за последние пятнадцать лет мы стали свидетелями взлёта и падения отечественной прессы. Взлёт произошёл во второй половине восьмидесятых, когда цензура расширяла рамки дозволенного и публика с азартом пожирала газеты и журналы, в которых впервые после десятилетий советского воздержания появились большие и малые сенсации. К журналистам относились как к героям — их выбирали в Верховный Совет, их носили на руках — и не только фигурально. Тем горше было разочарование девяностых, когда сквозь газет-

ные листы и телевизионную картинку всё яснее проступали водяные знаки хорошо оплаченного заказа. Прежние народолюбцы, ниспровергатели цековских дач и социального неравенства в советском обществе на глазах превращались в расчётливых и спесивых буржуа. Не опрометчиво ли? Когда материальные интересы элит противоречат интересам общества — жди беды.

«Он охнуть не успел, как на него медведь надел», — вздыхал чеховский герой. Мы не заметили, как утратили целый пласт успешной культурной индустрии, проявлявшийся в детской мультипликации, детском кино и детской прессе. Несколько поколений советских детей ещё до школы получали «свой» журнал — «Весёлые картинки». Ярко иллюстрированное, популярное издание. Многим памятен и «Колобок» — журнал с пластинками, который начал выходить в семидесятые годы. Став постарше, ребята уже читали «Мурзилку» — журнал, в котором публиковалась серьёзная детская литература. По сравнению с «Картинками» «Мурзилка» был идеологичнее. Как-никак — журнал для октябрят и пионеров. Аудитория детских журналов любит рассказы в картинках — и в «Мурзилке» публиковались занимательные сериалы ещё в те времена, когда наш язык не нуждался в слове «комикс». В этом слове не было необходимости, потому что истории в картинках были не подражательного характера. Они погружали юного читателя в мир *отечественной* культуры, готовили к другим — взрослым — чтениям, да и просто учили веселью и находчивости. Ещё более выдающимся явлением была советская детская мультипликация с её центрами в Москве, Киеве, а позже и в Ереване, и в Ташкенте. Мы подчёркиваем — детская, поскольку авторское анимационное кино достаточно успешно существует (выживает?) и в последние годы, а вот детская аудитория уже лет пятнадцать не получает новых рисованных, кукольных или пластилиновых героев. Ни в двух словах, ни на десяти страницах советскую мультипликацию не определишь — это богатая традиция с десятками своеобразных, талантливых художников, с различными школами.

Летом 1992 года в Москве проводилась конференция «Новая волна: русская культура и субкультуры на рубеже 80—90-х годов». Спонсорами этого мероприятия были Американский совет развития исследований в области славистики и Всеамериканский исследовательский совет по общественным наукам. С докладами выступали учёные из разных университетов — преимущественно российских и американских. За полгода до конференции — в декабре 1991-го — распался Советский Союз. Года за два до этого по швам разошлась и советская идеология. Участники конференции по этому поводу пребывали в заметной эйфории и не раз подчёркивали свою свидетельскую причастность к переломному историческому моменту. Ксения Митрохина выступила на конференции с докладом «Массовый мультфильм и структура ролевого взаимодействия». Направление доклада было весьма характерно для того времени: сопос-

на молодёжь «тяжёлой» музыки заимствовались аксессуары, делался упор на внешнем облике, долженствующем намекать на «неформальность», противоположность официозу. Так, попсовая певица начала 90-х сдирала сценический «образ» с Сандры, Сабрины, СиСиКетч, Мадонны, Фиорлализы (короткие джинсовые, «варёные» шорты, вываливающийся из тугой блузки-куртки бюст, избыток бижутерии — блёстки, заклёпки, клипсы, чёрные ленты в волосах, сетчатые чулки, высокие каблуки, декадансный грим с ярко прочерченными скифскими скулами), в целом апеллируя к «ночной бабочке», центральной героине посыпавшихся на зрителя «чернушных» фильмов. Их хозяева, «вольные» властители умов, по умолчанию — завсегдатаи полуподпольных казино, рэкетеры, кидалы, криминал всех мастей без разбора, воры не в законе, но беззакония. Такие, закотившись в гору, особенно любят рядиться в меценатов.

Попсовик, сопровождающий культурный досуг «боссов», был более основательной фигурой, чем попсовичка. Закрывая идеологический провал псевдобелогвардейской шинели, он просил вице-люмпенария обратить внимание на судьбу Отечества, выжимал из растасканных душ купюры сочувствия «злой имперской судьбе», кичился взятой напрокат ресторанной удаляю. Небритый, в посконной рубахе из-под растёгнутого английского мундира с самозваными «георгиями», такой «герой» «косил» под бегущего от красных, снуя по символам смутной эпохи мимо мировоззренческого раскола, поверх эстетики несвободы, оборачивающейся бунтом середняка против скупого соблазна существования.

В музыкальном сопровождении исконно слабых, рассчитанных на навязчивое повторение припевов встречались и гитары, но выдавала ритм-секция. Отмеренные сто двадцать ударов в минуту, преобладание синтезаторного звучания чётко говорили слушателю: он слушает пафосную подделку. Козлиные взрыды филармонических недоучек, гундосость и хрипата «шансонность» заполнили эфир. Вириш третьеразрядного графомана цементировали подделку, смысловые паузы драпировались подплясами и рефренами. Собственно «русский шансон» впитал блатную песню, переозвучив трёхаккордность и семиструнность согласно веяниям времени. «Новая волна» электронной музыки влила в мелодизм неувыдающие колокольца, зачастую выезжали за счёт видеоряда,

1

Новая волна... М., 1994.
С. 59.

2

Там же. С. 61.

3

Там же. С. 62.

тавлялись типы мироощущения, американский и советский. Детское искусство представляет благодатный материал для такого исследования, ведь именно оно является основой культурного сознания. Оно воспитывает, формирует читателя и зрителя, потребителя и творца культуры. К. Митрохина сопоставляла социально значимые признаки двух советских сериалов («Ну, погоди» и «Кот Леопольд») и одного американского — «Том и Джерри». Вот что слепилось из героев «Ну, погоди»: «Большой Активный Неумелый Волк и Маленький Пассивный Умелый Заяц»¹. А это уже герои «Леопольда»: «*Кот*: большой, пассивный, умелый, симпатичен, со знаком «плюс». *Мышата*: маленькие, активные, неумелые, менее симпатичные, явно со знаком «минус»². Установки цикла про Тома и Джерри представляются куда менее дидактичными: здесь ребёнок постигает прелести свободного мироощущения, либерального взгляда на жизнь. Здесь К. Митрохина видит конфликт большого, пассивного, несимпатичного Кота с маленьким, активным, симпатичным Мышонком....Эти расчёты должны были сообщать о дремучем патернализме советского общества. О подавлении инициативы и слепом подчинении чугунным законам советской морали. Американская же мультипликация, напротив, воспитывает человека активного, мобильного, динамичного. Митрохина пишет: «Подводя итоги, я не вижу в двух самых распространённых и безусловно талантливых сериях советских детских мультфильмов 60–80-х годов приемлемого для отождествления сюжета реагирования для Маленького Активного, самой естественной для ребёнка позиции, равно как и причин, которые воспитывали бы недидактическое желание действовать»³. В построении Ксении Митрохиной отразились надежды и иллюзии начала девяностых... Говорю об иллюзиях без высокомерия: в них нет вреда и «честь безумцу, который навевает человечеству сон золотой». Но, дважды проронив слово «умелый» в ха-

рактеристиках положительных героев советских сериалов, наш докладчик не развивает этот образ. А ведь «умелость» Зайца и Кота Леопольда подразумевает ни что иное, как созидательную активность... Наш же автор желает видеть только броскую проказливую активность героев отрицательных — и, не находя её у Леопольда и Зайца, провозглашает их пассивными. Очень показательно, что дальнейшие выводы следуют из этого искажённого посыла. Ту душевность, то обаяние добра, которое присутствует и в сериале про Леопольда, и в других отечественных мультфильмах, в приключениях Тома и Джерри можно рассмотреть, только вставив себе предварительно силиконовое сердце и стеклянные глаза. Что же касается детского бунтарства и идеалов свободы — эта тема не раз была заявлена в советской мультипликации. Скажем, в чудесной истории про варежку симпатии авторов явно на стороне «маленькой активной» (по К. Митрохиной) девочки, а не её строгой и «большой пассивной» мамы. Да и сложный образ Незнайки не вписывается в представления о слащавом, всегда правильном отличнике. И таких обаятельных шалунов в советской детской литературе было немало. Не меньше, чем дидактических учителей, подавляющих волю ребёнка. Но главное, конечно, не выразишь в схемах. Самое отрадное, что у нескольких поколений советских детей было своё — и талантливое! — искусство. Многожанровое, многообразное. И верноподданническое, и бунтарское. И патетическое, и лирическое. И сложное, и простое. Сколько писательского, композиторского, певческого, актёрского таланта было в том искусстве!.. Герои мультипликационных фильмов быстро становились любимцами поколений, их цветные портреты украшали аллеи детских парков и комнаты детских поликлиник. Сейчас не стало меньше цветных картинок; напротив, мы живём в эпоху глянца. Но среди героев нашего

времени найдётся немного отечественных персонажей. Теперь нашим детям подмигивают герои, в которых не вкладывали души российские художники и писатели. Это приучает нас к интеллектуальному иждивенчеству: мы молчаливо соглашались поставлять на мировые рынки только сырьё, а всё остальное, — включая сказки, включая прессу, включая идеи, — нам поставляют заморские спецы.

Больно за поколения специалистов, подвижников своего дела, которые создавали славные традиции российской прессы. Журнал «Народное образование» в 2003 году скромно отметил своё двухсотлетие. «Народное образование» в пору своего расцвета в середине XIX века не уступало лучшим университетским и министерским изданиям Европы. И в послевоенные годы журнал имел почтенную международную репутацию. И это, конечно, далеко не единственный счастливый случай в отечественной журналистике. Сейчас на московских прилавках мы видим журналы с латинскими названиями — «Geo», «National Geographic», не говоря уж о «Cosmo» и «Playboy». Сбылась мечта Майка Науменко: «Я сижу в сортире и читаю «Rolling Stone». Наши прилавки переполнены русскими версиями иностранных журналов — вся эта глянцевая литературная бижутерия прекрасно существует даже без подписчиков и бешеного розничного спроса... Гиганты зарубежной прессы, как поезд мимо нищего, проносятся мимо старейших изданий России с их скромными возможностями. Крупные международные корпорации, интернациональные марки покоряют мир. Макдональдс и кока-кола, инкубаторская синтезаторная музыка и мебель из ИКЕА. Жизнь, пожалуй, становится комфортнее, но девятый вал клишированных товаров уничтожает в человеке творческое начало. Нет смысла драматизировать ситуацию и по-дилетантски видеть во всём тень зловредного заговора, необратимого и всеобъемлющего. Иррациональные страхи и простые ответы не помогут разобраться в тонких материях противоречий общественной жизни. Нужно просто объективно просчитывать интересы, вникая в психологию соперника. Никто не победит Россию, если мы сами не захотим проиграть. Никто нас не обманет, если мы сами перестанем обманываться.

Из холодной войны Советский Союз вышел в одностороннем порядке. Несколько лет наши политики, сохраняя хорошую мину, заявляли о бескровном, счастливом исходе самого напряжённого периода в мировой истории. Американцы смотрят на эти события куда трезвее: для них распад Советского Союза стал укреплением американской гегемонии. Эхо холодной войны до сих пор звучит в американской пропаганде. Да и в России сохранилось немало комплексов, нажитых в годы острого соперничества великих держав. Сегодня подобное соперничество для России невозможно, но следует помнить эпизоды недавней, ещё актуальной истории. Политик, добившийся ослабления, а затем и распада советской системы — американский

попы. Вид благородства придавала традиция русского романа, но недолго продержалась и она, уступив место столичным самодеятельным попыткам шлягерства. Им далеко даже до дворовой баллады, не то что до бодрящей ярости хардрока. На чём держалось? На интонации бездумия.

Низкий уровень общественной рефлексии, обусловленный воцаряющимся хаосом, признал попсу искусством. Пусть массовым, но искусством подлинно народным, то есть «отвечающим запросам», а значит, и неизменным спутником простодушного веселья провинций и столиц. Обсуждение попово-бытовых коллизий превратилось в центральную тему застолий.

На втором этапе готов и новый образец «безбашенности», поддерживаемый глянцевой журнальной индустрией: татуированная тинейджерка со стремлением к угарному времяпрепровождению и лоховатый дурень, при случае показывающий «крутизну», легальный ничтожеству корпоративных представлений.

Можно с большой уверенностью констатировать укрепление «попового лобби» не только в народном сознании, но и во властной бюрократии, невооружённым глазом видно сращение доходов поповых магнатов и невзыскательного вкуса государственных мужей.

За истекшие годы также видно снижение качества текстов до совершенной неразборчивости, прихлёбывающего вождьденное «пепси» звукоподражания; и здесь симптомы принимают угрожающее значение. Если сюсюканье подхватывается, основным содержанием эпохи становится дрянь, чуждая даже относительным высотам общекультурной эклектики. Попса активно инкорпорирует непоповых исполнителей (структурирование рынка), приучает к единому ритуалу «раскрутки», зависящему, как водится, от вложенной суммы, «учит рынку», успешности, малым вложениям и большим отдам, вдавливая в обескураженных обывателей шкалу обмана и нравственного упадка.

При особой надобности могут быть «раскручены» и конь Калигулы, и собака Павлова, и интервью с ними появятся в нужном месте в нужное время. Найдутся и фанаты.

Пропаганда открытого кича, доплавленного до абсурда, талантливое передразнивание буржуазных представлений были бы ещё отрадным событием, однако в попсе такое не приветствуется. Провозглашённая мода на достаток демонстрирует фигуру, словно составленную

из юнговских архетипов. Беспощадно вымарывается трагизм, затаптываются мировые вопросы. Комичная постановка проблемы? Возможно. Можно ли вообще требовать гармонии?..

Парадокс: предельно мужские или женственные воплощения в попсе урезаются, что наверняка связано с преобладанием в попсовых кругах лиц нетрадиционной ориентации, сдаивающих выгоду из священной коровы политкорректности. Канон: исполнитель не должен быть талантлив, серость примирит его с толпой, заставит её признать его восхитительным созданием. Он поднялся, он сделал это. Конечный идол — успех.

Проплаченная пресса воздвигает им памятники при жизни; иные эпитеты, кроме «обворожительный», «неподражаемая», «восхитительная», «гениальный», не звучат.

Агрессия попсовиков по отношению к окружающим лишь возрастает. Они формируют «бомонд», завсегдаита и настойчиво приглашаемые к светским сборищам «звёзды». Такой бомонд — неумелая пародия на голливудских celebrities (знаменитостей), искони позволявших себе немного больше, чем принято в пуританских Штатах.

Американские критерии «высшего света» при дальнейшем уплощении получают в России единственное преломление: чем гаже, тем популярнее. Этот принцип исповедуется всё громче. Оскорбление стало рутиной, производимой попсой чуть ли не ежедневно в отношении всех, кого можно позволить себе оскорбить: низовых представителей прессы, посетителей концертов, наиболее ярых поклонников, как правило, беззащитных перед охраной или площадной руганью с безопасной дистанции. Каста неприкасаемых затейников любит жаловаться на горькую жизнь, оспаривать в судах малейшие сомнения в правомочности своих деяний, любые претензии объявляет завистью и кознями конкурентов.

В попсу вербуются не только музыканты, пошедшие на поводу у прибыли, но и спортсмены, отказавшиеся от изнурительного ремесла, политики популистского толка, ловкие неудачники всех сфер жизни. Паразитическая прослойка укрепляется за счёт постоянного рекрутства. Невозможно представить себе, как именно, по каким ведомостям и в каких конвертах получают эти люди свои доходы, но степень сращения придворного художника с миллионером-ресторанщиком такова, что пред-

зидент-республиканец Рональд Рейган, ушёл из жизни глуповатым старцем в текущем 2004 году. Уже в годы маккартизма этот киноактёр проявил себя как активный общественный деятель. Теперь имя Рональда Рейгана, несомненно, будет присвоено университетским стипендиям, авианосцам, бульварам и аэропортам. Как носят авианосцы и стипендии гордое имя легендарного министра обороны США Джеймса Форрестола. Весной 1949-го этот человек был помещён в госпиталь после того, как несколько часов носился по улицам Вашингтона с воплями: «Русские идут!» Он не представлял, что в мире может существовать иная сила, помимо Соединённых Штатов. И, почувствовав возможную уязвимость своего государства, почувствовав в Советской России сильного конкурента, потерял голову. От советской угрозы Форрестол в конце концов выпрыгнул с шестнадцатого этажа, оставив наследникам свой рыцарственный девиз, достойный пера Оруэлла: «Мы не достигнем всеобщего мира, пока наиболее сильная армия и флот не будут сосредоточены в распоряжении единственной в мире могущественной державы». Показательно, что и преемник Форрестола — министр Льюис Джонсон — не выдержал напряжения холодной войны, сорвавшись на одном из официальных заседаний. Бессвязная брань по адресу Москвы, увольнение, госпиталь, операция на мозге... Наследники безумных соратников Трумена не сплосхвали. И сегодня ясно, что даже суицидальные жертвы не пропали даром. Единственная сверхдержава в мире устанавливает свои (нередко — резонные, но неизменно навязчивые) правила для всех и каждого. И если культурное пространство будущей России будет заполнено MTV, National Geographic и голливудскими кинокомпаниями, не станет ли Минину и Пожарскому скучновато на Красной площади без третьего — бронзового Форрестола?.. А под Рождество будем украшать датские ёлочки, закрепляя их в крестовины из IKEA. Споём «Happy birthday to you...» всем нашим именинникам, сядем в «боинг» — и вперёд. Всем места хватит в надёжном американском лайнере. Осталось только позабыть такой нелепый и непопулярный в мире русский язык. Ведь нам уже вставили силиконовые сердца, isn't it?

Просветительская функция прессы нынче не в чести. Декларируются принципы свободного искусства, ограниченного свободой рынка. В прежние времена просветительская тема (как, скажем, и тема развития фольклорных традиций) была и в почёте, и в субсидиях. Разумеется, в изданиях, адресованных молодёжи, ощущался глубокий крен в партийно-комсомольскую идеологию. Наверное, эта практика нуждалась в реформировании. Но не в примитивизации. Мы же были опрометчивы. Сейчас на смену ограниченному списку уважаемых и читаемых изданий пришли сотни проектов, многие из которых ограничиваются годичной практикой. По заветам товарища Мао, у нас сегодня цветут сто цветов. И разобраться в пёстрой мозаике современных российских журналов нелегко. Многие издания про-

сто поддерживают чей-либо имидж (благо, общественных организаций, фондов, партий и академий у нас великое множество), не борясь ни за подписчика, ни за общественное влияние, ни за авторитет в своей области знания.

Среди немалого количества разнообразных детских журналов выделяются те, в которых ощущается творческая работа, писательская фантазия. Среди московских школьников популярен весёлый и содержательный журнал «Кукумбер». Там можно встретить как игровые публикации, которые интересны даже самым юным читателям, так и вполне серьёзные, но занимательные рассказы — например, о событиях, рассказанных в «Слове о полку Игореве». В журнале поддерживаются традиции детской литературы — озорной, пестрящей фантастическими образами, но и поучительной.

С 70-х годов и до начала 90-х просветительская линия была сильна на нашем телевидении. Учебный канал был уникальным явлением и для общества в целом, и для школы. Сегодня ни на одном из телевизионных каналов нет передач ни о школе, ни о высшем образовании. В последние годы, к счастью, появились научно-популярные программы и документальные циклы — в основном посвящённые сенсационным историческим расследованиям. И всё-таки на телевидении и на радио с просветительскими материалами жидковато... Бросается в глаза и множество передач, заимствованных из американской и европейской практики. Снова живём чужим умом, привыкаем к интеллектуальному иждивенчеству... Другое дело — специализированные журналы, которые обязаны просвещать. Мы уже упоминали National Geographic — издание, аттестующее себя как «российская версия всемирно известного журнала». Более десяти миллионов подписчиков во всём мире — это настоящая империя. Журнал призывает граждан России вступать в американское Национальное географическое общество, основанное в 1888 году... К тому времени Русское географическое общество существовало уже 43 года, но что нам до собственной истории, когда «к нам приехал, к нам приехал» французик из Бордо. Открытие русской версии журнала на страницах его первого выпуска приветствуют тогдашние министры образования и культуры, генеральный директор Первого канала, певец и депутат Иосиф Кобзон. «Все мы капитаны, каждый знаменит». Таков этикет. Жаль, что он не распространяется на российские журналы. Да и нет в России журнала, который мог бы действовать на столь широкую ногу, а протекционизма в отношении печатных изданий наши vip не проявляют. А разве сможет, к примеру, журнал «Вокруг света» выдержать конкуренцию с Geo? «Вокруг света» — один из старейших журналов России, знавший в своей истории и взлёты, и падения. И сегодня в журнале трудятся не только квалифицированные, но и активные, даже предприимчивые люди («Вокруг света» — один из немногих коренных российских журналов, который проводит активную рекламную кампанию на ТВ и радио). Но наши журналы вынуждены

ставляются и реальные проценты поступлений от посещения первым заведения второго, не говоря уже о реальном договоре на декор. Пиар, хоть слово дико, пиара. Взаимная индукция. Ареалом обитания попсы, видимо, является Останкино, ближе к каналам распространения стараются держаться все, кто хочет летучей славы, хотя бы однодневной, в расчёте на пожизненные дивиденды.

Стать известным, «раскрутиться» при помощи скандала, очередной несусветной мерзости — закон восхождения. Надежда на то, что имя оскандалившегося не забудут, пристроят, диктует извращённые нормы поведения. Неувядающие ведущие телепрограмм, многотомные писатели со связями «наверху» используют любую возможность для эксгибиционизма. Возможно, из трудов имиджмейкеров следует необходимость свойского позиционирования на информационной площадке, но именно эти попытки и вызывают неослабное отвращение. Оголтелое местничество, коррупция и теневые махинации сделали из попсы символ национального позора. В попсе действует своя система оценок, протоязык-жаргон, и собственная мифология, и летопись схваток, и гибкая иерархия допущений.

Россия, становящаяся подлинно поповой страной, отбрасывает одну гуманистическую ценность за другой. Воспитано целое поколение, судящее о бытии по «поповой библии», рассчитанной на имбецила, пробивающегося к славе всецело исключительной тупостью и напором, граничащим с умоисступлением.

Появление массивного конвейера по производству «звёзд» ситуацию усугубляет. Будущие «кумиры» дерутся за место под солнцем чуть ли не в прямом эфире, идя на предельные компромиссы с совестью, моралью, человечностью. Шоу как образ жизни усасывает душу за пару втяжек. Подмена следует за подменой: секс хоронит любовь, деньги — призвание; впрочем, и остальное.

Молодёжный сегмент попсы сопряжён с открытым пороком теснее: наркомафия, проторившая через РФ транзитные пути, окрашивает протест в героиновые цвета, стремление легализовать потребление веществ счастья видно по оформлению обложек, тематике цветных статей, провозглашаемых рупорами альтернативы.

Следует отметить и особую трансформацию традиционной западной рок-культуры, за сорок лет прошедшей по ухабам от пацифистских

общин коммунистического толка до ошеломляющей урбанистической пустоты. Человечество после становления однополярной модели упёрлось в тупик, на выходах из которого пока безрезультатно сосредотачиваются крупные социологические и политологические институты. Высшей стадией общественного развития может быть назван атомарный эгоизм, посилено задействованный в массовых кампаниях электронного документооборота. Клеркская лищель, фрилансерская ли охота за приработком — этика подсиживания и интриганства уже пробилась во взглядах русло пошире волжского. Всем ясно, что иначе не будет, нельзя, не предусмотрено. Само государство формируется по принципу мегакорпорации, имеющей топ-менеджеров, просто менеджеров и исполнителей их воли. Отсутствие альтернатив развития не может не влиять на самосознание самых различных сообществ, делая особенно возможной репликацию низовых сатанинских пристрастий.

Отказ от гуманизма продуцирует заметный регресс в качественном осознании действительности, влияет на способность принимать рациональные решения, колеблет психосоциальную составляющую общественного организма. Унимать ли чертей, писать ли доносы с воззвания с требованием немедленно запретить, урезать, снять с эфира, изгнать за пределы Родины — не компетенция публициста. Рассматривать явление следует со спокойным сердцем, с любопытством, не допускающим негодования.

Думается, с выправлением климата попса исчезнет сама собой, но кто же сформирует этот «нормальный климат»?

Ответ прост: только широкое народное просвещение, неослабное и чуткое к временным изменениям, знакомящее молодого человека с высотами культуры, ставящее перед ним проблемы его саморазвития во всей их неподражаемой, невиданной сложности, даст стране и миру непопсовое поколение, способное изменить жизнь к лучшему. Талантливые дети, эта вечно поражающая поросль лугов и рощ, пашен и всхолмий, с удивлением взглянет на пыльные подшивки наших газет, где вылупленные лица поповиков будут отчаянно кричать им из Леты о напрасно потраченных силах души, тщетных усилиях воли, крахе иллюзий, досаде и покаянии. Но потомки недоумённо отстранятся от их речений и вздохнут. И время наше будет оправдано другими.

Сергей Арутюнов

нервно подсчитывать число подписчиков, тогда как материальная независимость мировых гигантов обеспечена рекламными контрактами, международным рынком. Всё решает рейтинг. Он у гигантов мировой прессы выше. Этот рейтинг — мерило нашей безответственности... И отечественные издания не выдерживают неравного боя с русскими версиями иностранных изданий. Что же касается выхода русских изданий на международные рынки — здесь мы снова не видим никакой поддержки правительственных структур, которые должны быть кровно заинтересованы в экспорте. Отечественные журналы и газеты за рубежом можно встретить только в местах скопления туристов из СНГ и в среде русской эмиграции. Разумеется, их читают по-русски, а достойных иноязычных версий популярных российских журналов вообще не существует. Да что говорить об иноязычных версиях, когда даже в государствах СНГ, где велик спрос на российскую, в том числе и просветительскую, печатную продукцию, отечественные журналы труднодоступны. А ведь Россия заинтересована в притоке квалифицированных (в том числе и научных) кадров из республик бывшего СССР. Но мы снова отталкиваем их в лоно английской речи, в американский мир... Государство не озабочено ни пропагандой русского языка в мире, ни переводом отечественных журналов на иностранные языки. Выходит, что нашим чиновникам, как в поговорке, не нужно ни дна, ни покрывки...

Одно из самых печальных явлений нашей истории — франкоязычность русской элиты конца XVIII — начала XIX века. Привычка к заёмной, иностранной письменной культуре. Несколько поколений патриотов сумели переломить эту отвратительную моду. Создание и укрепление русской прессы было важным шагом на пути к своего рода светской автокефальности. А нынче... Мы и сами не заметили, как вместо слова «спутник» стали произносить «сателлит». Вместо привычной и укorenившейся в России мультипликации — анимационное кино. На ВДНХ, в павильоне «Космос», торгуют импортным ширпотребом, а современные школьники вряд ли назовут по фамилии первого космонавта Вселенной. Да и нелегко им поверить, что таковым был русский, советский человек, ведь отечественные космонавты в модном американском фильме показаны нерадивыми дикарями, у которых всё не ладится. То ли дело — мужественные астронавты, спейсмены. Мы больше не пропагандируем своих героев — не мнимых, раскрученных на пустом месте, а истинных мастеров своего дела. Анекдотическая ситуация с матерящимся в телекамеру крайним защитником из «Локомотива» только подтверждает бессилие пропаганды. Футбол-то у нас и впрямь средненький, но почему на нём свет сходится клином?

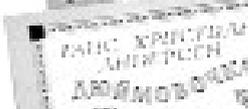
Во всём мире признано огромное влияние субкультуры MTV на молодое поколение. Не случайно появился такой термин — поколение MTV. Это телевидение существует в США уже два десятилетия, а в России — менее десяти лет. Коммер-

ческая империя MTV тесно связана с индустрией звукозаписи, клубным бизнесом и гастрольным рынком. Рекламное воздействие на молодого потребителя — самое агрессивное и эффективное. Формируются образ модного — «правильного» — молодого человека, сленг, эстетические вкусы, мораль. Разумеется, самый короткий путь к сердцу потребителя лежит через острую сексуальность, не исключая и точечного использования половых извращений. В одной упаковке с этим этическим наркотиком можно продать хоть мерина с оглоблей. И остановить индустрию, которая приносит миллионные барыши, невозможно: она существует в режиме постоянной экспансии. Речь идёт не только о музыке, одежде и парфюмерии. MTV формирует образ жизни, расставляя перед своим зрителем маячки моды. Так, за последние два года по российскому MTV было показано несколько документальных фильмов, в которых прямо или косвенно рекламировались пластические операции и операции по смене пола. Тема преподносится в клубке актуальных молодёжных проблем, в яркой модной упаковке, с ловким монтажом. Сценарии неплохо продуманы: так, в каждом фильме присутствует «разоблачительная» линия, в которой герои рассказывают о страшных последствиях неудачных пластических операций. Но эта линия растворяется в пёстром вихре эмоционально заразных картинок. В результате такие фильмы только увеличивают ажиотаж вокруг модных услуг, а изобретательность косвенной рекламы клиник оказывается на высоте. Ещё одной особенностью культуры MTV стало отсутствие длительных привязанностей. Чехарда «звёзд» не знает конца. Проходит год, другой — и недавний кумир переходит в категорию «забытые имена». Привязанности юной публики недолговечны: то, что нравилось в четырнадцать лет, раздражает пятнадцатилетних. С одной стороны, это опасно: привыкая к героям-однодневкам, молодые люди перестают

верить в непреходящие ценности. Ритм их жизни настолько ускоряется, что времени на какое-либо добротное, требующее вдумчивости дело никогда не хватает. И в то же время переменчивость моды сглаживает пропагандистскую мощь массовой культуры. Года три назад самыми популярными подростковыми героями были Бивис и Батхед — два рисованных уродца с заражительной примитивностью мыслей. Школьники кряхтели, как Бивис и Батхед, подражали их мимике, повторяли их скабрёзные шутки. Потом парочку стали реже показывать по ТВ, им на смену пришли новые проекты — и новые подростки уже не болеют этой хворобой. На наших глазах был раздут и лопнул феномен дуэта Тату... И подобных проектов — шумных, скандальных — будет ещё немало. К ним нужно морально готовиться, не отсчитывая дату конца света с появления на телеэкранах каких-нибудь новых эпатажных персонажей.

Не раз говорилось о том, что речь ведущих (сами они себя называют английским словом «виджей») MTV напоминает кальку с английского, а фальшивые, англоподобные интонации уничтожают ауру русского языка сильнее любых орфоэпических ошибок. Музыкальные каналы зомбируют, оглушивают своей развязной, громкой рекламой (нередко — и рекламой алкоголя). В мировоззрении, которое складывается под влиянием рекламы, всё на свете является предметом торга, товаром — принципы, стиль жизни, женское тело... Реклама раздражает, вызывает протест, но трудно отделаться от звонких клише, на которых строятся рекламные ролики и уличные стенды. Хитрость в том, что все споры и скандалы вокруг рекламы только идут ей на пользу, как и всякая шумиха. У телевизионной рекламы есть один смертельный и неотразимый враг — пульт дистанционного управления. Можно только удивляться, почему фирмы, производящие и продающие рекламу, в своё время не помешали массовому выпуску телевизоров с пультами. Ведь стоит только нажать на клавишу — и из вашей комнаты исчезнет какофония звуков, сопровождающая рекламный ролик. Стоит нажать на другую кнопку — и вы поменяете канал или вовсе выключите телеприёмник. И всё-таки влияние рекламы нельзя недооценивать: скажем, благодаря телероликам в последние годы возникла подростковая пивная субкультура, замешанная на естественном желании «крутизны»: «Кому идти за «Клинским»? Как правило, эффективная и социально безответственная реклама обращена к самым дремучим, животным мотивам юного потребителя. Западает в подсознание тезис: «Шок — это по-нашему», и таким образом легализуется образ «истинно русского человека» — эдакого беспредельщика, который здравому смыслу всегда предпочтёт азарт и раж ухаря. Такое ложное представление о народном характере глубоко укоренилось в новом поколении — во многом из-за модных рекламных циклов. Когда героями сомнительных рекламных сюжетов делают подростков — это запрещённый приём, удар ниже пояса. Ведь рекламные сюжеты бьют по авторитету школы — и без того ослабленному. Вот, напри-

мер, сюжет, созданный во славу всё того же «Шока»: парень получил в школе двойку. В наказание мать не взяла его в гости. В счастливом финале короткой истории школьник с удовольствием упивается разрекламированное лакомство: «Шок: двойка на пользу». Если бы эта история была исключением из правил, эдаким симпатичным хулиганством на британском ТВ — наверное, мы бы воспринимали «Шок» иначе. Нынче безалаберность и разгильдяйство возведены в ранг добродетели — и такая чехарда в иерархии ценностей плачевна. Кстати, о шоке. Это слово, отполированное сточными водами сленга, стало одним из самых отвратительных в русском языке. Право, я с меньшим неудовольствием слушал бы в эфире матерщину, чем вечное «Я в шоке», произносимое по любому поводу. Умерла мать — «я в шоке», сосед надел новую рубашу — «я в шоке», знаменитый певец приехал с гастролями в Москву — снова «я в шоке». Это выражение прекрасно характеризует недисциплинированность, расслабленность умов. Умов, которые сызмальства подверглись влиянию оболванителей международного масштаба.

Несколько лет назад сотни родителей из России подписали письмо в официальные инстанции с просьбой приостановить выпуск русской версии журнала Cool, формирующего у подростков извращённый, опасный для психики образ «крутой» девочки. Судебное дело замяли. Но внимание общественности привлекли эти цветные, изрядно иллюстрированные журналы, адресованные подросткам. Журналы, которые ещё лет двадцать назад были бы признаны порнографическими. Опасность такой глянцевого пропаганды становится всё более очевидной. Сего-

дня взрослые могут сказать о своих детях те же слова, что Ю.В. Андропов некогда сказал о Советском Союзе: «Мы не знаем страны, в которой живём». Впрочем, в определённый срок взрослым всегда становится неведомо, чем живут их дети. И потому такие родительские инициативы, пусть и не получившие судебной перспективы, полезны своим резонансом. В то же время следует понимать, что ореол запретности только на руку худшим образцам массовой культуры.

Поменьше разговоров об абстрактных категориях, больше уважения к профессионализму, к мастерству. Быт должен быть рациональным, а смысл — здоровым. Иррациональное придёт само собой, «о любви не говори, о ней всё сказано», а вот постоянное совершенствование практических навыков остаётся единственной защитой от сетей пропаганды, в особенности — зарубежной. Зарубежные идеологи беспощадны по отношению к тому, что им чуждо, и потому их рецепты не предполагают сохранения российской самобытности. А наша задача — беречь собственное наследие, не надеясь на иностранные легионы... Волонтёру, даже проникшемуся новой для себя культурой, никогда не заменить самородка, который где родился, там и пригодился. Только профессионалы, сыны Отечества и питомцы Просвещения, смогут поднять нить нашей будущей жизни. Не повторить бы нашей сегодняшней опрометчивости, не забыть бы, какой эпитафия «из записок хозяина-агронома» нашёл И.С. Тургенев для своего последнего романа: «Поднимать следует нить не поверхностно скользящей сохой, но глубоко забирающим плугом».

Москва